

Научная статья
УДК 281.93(470.311)«193»
DOI 10.37724/RSU.2022.76.3.006

Заккрытие приходских храмов в СССР в начале 1930-х годов (на примере Владимирского храма в Краскове Ухтомского района Московской области)

Вадим Вадимович Никонов

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
nikonova-box2009@yandex.ru

Аннотация. В статье на примере храма Владимирской иконы Божией Матери в селе Краскове Ухтомского района Московской области (ныне — территория городского округа Люберцы) рассматриваются механизм и порядок закрытия приходских церквей в СССР в первой половине 1930-х годов. Деятельность приходов в этот период регламентировалась нормами Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», принятом в апреле 1929 года, после вступления в силу которого число ежегодно закрываемых храмов резко возросло. Порядок закрытия сформировался достаточно быстро и уже к 1930–1931 году представлял отработанную схему: формирование общественного мнения, направленного против Церкви и религии вообще; организация собрания на предприятиях или в сельсоветах, протоколы которых свидетельствовали бы об общем желании закрыть конкретный храм, а здание использовать для общественных нужд; утверждение инициативы местных жителей в органах власти, результатом чего становилось соответствующее постановление областного исполкома. История закрытия красковской церкви позволяет на примере одного из старейших храмов Подмоскovie проследить, как эта схема реализовывалась. В статье обосновывается вывод о репрессивной политике государства в отношении Русской православной церкви, выражавшейся в массовом закрытии храмов, использовании незаконных методов при оформлении документов, предусмотренных процедурой закрытия, и игнорировании ходатайств верующих граждан, протестующих против насильственного прекращения деятельности религиозных общин. Статья основана на материалах Государственного архива Российской Федерации, Центрального государственного архива Москвы и Центрального государственного архива Московской области.

Ключевые слова: антирелигиозная политика, Владимирский храм, закрытие храмов, Красково, Московская область, Русская православная церковь, Ухтомский район.

Для цитирования: Никонов В. В. Заккрытие приходских храмов в СССР в начале 1930-х годов (на примере Владимирского храма в Краскове Ухтомского района Московской области) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 3 (76). С. 49–58. DOI: [10.37724/RSU.2022.76.3.006](https://doi.org/10.37724/RSU.2022.76.3.006).

Original article

The Closure of Churches in the USSR in the Early 1930s (at the Example of the Church of Our Lady of Vladimir in the Village of Kraskovo in the Ukhtomsk District in the Moscow Region)

Vadim V. Nikonov

Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia
nikonova-box2009@yandex.ru

Abstract. The article treats the mechanism of the closure of churches in the Soviet Union in the 1930s at the example of the Church of Our Lady of Vladimir in the village of Kraskovo in the Ukhtomsk District of the Moscow Region (now it is in the Lyubertsy District). In the Soviet Union, all church activities were regulated by the Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the Russian Soviet Federative Socialist Republic "On Religious Organizations" which was issued in April 1929 and triggered off an avalanche of church closures. In 1930-1931, the church closure procedure was elaborated. Soviet

society was brainwashed and hostile to the church and religion in general. The analysis of factory councils' and village councils' minutes shows that people expressed unanimous desire to close churches in order to use the buildings for some public needs. Local dwellers expressed their wish to close a church and regional authorities granted the wish and issued a decree. The analysis of the closure of the Church of Our Lady of Vladimir in the village of Kraskovo (one of the oldest churches in the Moscow Region) enables a researcher to investigate the procedure. The article concludes that the Soviet Union's church policy was characterised by religious oppression, mass and unjustified church closures, illegal document procedures, neglect of petitions put forward by believers protesting against church closures. The article is based on the materials of the State Archive of the Russian Federation, the Central State Archive of Moscow, and the Central State Archive of the Moscow Region.

Keywords: antireligious policy, church of Our Lady of Vladimir, church closure, Kraskovo, Moscow Region, Russian Orthodox church, Ukhtomsky district.

For citation: Nikonov V. V. The Closure of Churches in the USSR in the Early 1930s (at the Example of the Church of Our Lady of Vladimir in the Village of Kraskovo in the Ukhtomsk District in the Moscow Region). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2022; 3 (76):49–58. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2022.76.3.006.

Авторитетные исследователи XIX века братья Холмогоровы определяют дату строительства храма в честь Владимирской иконы Божией Матери в Краскове как 1649 год [Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И., 1868, с. 44], однако есть основания полагать, что он основан раньше. Расположенный на оживленном Касимовском тракте, храм не бедствовал, хотя в отдельные периоды и переживал тяжелые времена. Достаточно сказать, что в сентябре 1812 года в Краскове побывали французы [Никонов, Семенов, 2017, с. 84]. Однако таких атак, которые обрушились на храм после 1917 года, его история не знала.

В сентябре 1920 года в первый раз арестовали местного священника — отца Сергия Никитского, но, как это часто бывало в те годы, продержав в домзаке (доме заключения) около двух месяцев, освободили [ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38843]. Затем, весной 1922 года, произошло изъятие церковных ценностей, когда из Владимирского храма было вывезено около 5,5 кг серебряных изделий [ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 294-г. Л. 63]. В апреле 1932 года настоятель Владимирского храма, протоиерей Сергей Никитский, вновь был арестован. Теперь его приговорили к трем годам исправительно-трудовых лагерей и определили место отбытия наказания — Беломорско-Балтийский лагерь Объединенного государственного политического управления (ОГПУ). По счастью, на Беломорканале отцу Сергию не пришлось провести все три года, и 7 февраля 1933 года он был досрочно освобожден с лишением до окончания своего срока права проживания в местности, откуда был арестован [ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-38229. Л. 34]. Но, даже если бы ему и позволили вернуться на родину, служить в Краскове он бы уже не смог.

Арест отца Сергия Никитского в апреле 1932 года стал очередной, но не последней атакой на красковский храм. Очевидно, что главной целью власти было уничтожение Церкви как института, для чего и предпринимались непрекращающиеся нападки на ее служителей и прихожан. Следующим актом трагедии должно было стать закрытие Владимирского храма с последующим осквернением его святынь. И оно не заставило себя долго ждать.

Задолго до прекращения приходской жизни в Краскове, во второй половине 1920-х годов, в Ухтомской волости усилилось идеологическое давление на верующих и религиозные общины. Летом 1927 года состоялся пленум Ухтомского волостного комитета, где одним из центральных стал вопрос об антирелигиозной пропаганде. В материалах пленума читаем: «В своей работе церковники и сектанты стремятся вовлечь в свою среду всю неустойчивую часть населения (особенно женщин) и даже часть завода и близлежащих предприятий, а также детей, стремясь противопоставить свою идеологию — пролетарской идеологии, тем самым ведя контрреволюционную работу против завоеваний Октябрьской революции и отвлекая от общественной работы» [ЦГА Москвы. Ф. П-152. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 55]. Докладчик пытается сформировать у слушателей представление о верующих как о социально-опасных и вредных элементах, деятельность которых направлена против завоеваний революции. Тональность доклада прямо предполагает необходимость принятия более жестких мер в антирелигиозной работе, что свидетельствует о целенаправленном формировании из верующего человека образа врага, причем врага опасного. Осенью того же года на Ухтомской волостной партийной конференции тема антирелигиозной пропаганды и борьбы с Церковью вновь стала одной из ключевых в повестке дня. «Отмечая, что на местах недостаточно уделяется внимание выполнению директив МК и УК [Московского городского комитета и Ухтомского волостного комитета ВКП(б)] о постановке

антирелигиозной пропаганды, — говорилось в материалах конференции, — поручить Волкому добиваться ранее данных директив по данному вопросу» [Там же. Ед. хр. 23. Л. 9 об.].

Сегодня трудно сказать, когда именно начались практические мероприятия, предварившие закрытие Владимирского храма. Решение, вероятно, было принято в начале 1933 года, так как обнаруженные в Государственном архиве Российской Федерации документы позволяют утверждать, что летом 1933 года кампания по обработке общественного мнения относительно прекращения богослужений в Краскове уже шла полным ходом. Основанием для этого служит протокол заседания объединенного пленума красковского сельского совета с общественными и административными организациями, состоявшегося 21 июля [ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1405]. В повестке дня значилось всего два вопроса: «закрытие церкви» и «разное», что выразительно определяло основную цель всего заседания. Такого рода расширенные собрания, как правило, проводились после заблаговременной и тщательной подготовки участников. Описываемое заседание не стало исключением, и если учесть крайнюю болезненность вопроса, вынесенного на первое место в повестке дня, то оно может являться образчиком такого рода встреч, что определяет целесообразность его подробного рассмотрения.

С сообщением о необходимости закрытия Владимирской церкви выступил заместитель директора по политчасти совхоза Красково Пичугин. Отметим, что именно совхоз, не так давно образованный в селе, и был выбран своего рода «тараном» в борьбе с красковской церковью. Выделив совхозу участок бывшей церковной земли, власти искусственно создали конфликт интересов, под видом которого и началось наступление на храм. С самого начала стало понятно, что, всемерно поддерживая интересы совхоза, большевики не оставляли никаких шансов на победу прихожан. Для создания видимости того, что в основе конфликта лежат преимущественно экономические и социальные, но никак не политические мотивы, и проводились настоящие и последующие собрания, итог которых был заранее предопределен. Анализ документов показывает, что наиболее частыми причинами закрытия храмов в первой половине 1930-х годов объявлялись нехватка зданий и помещений для социально значимых объектов (клубов, спортивных сооружений, красных уголков и пр.) или, как в случае с красковской церковью, «производственная необходимость». Таким образом, основной мотив — борьба с Церковью — оставался в тени.

В своем сообщении заместитель директора совхоза по политчасти Пичугин прямо указал на то, что «вопрос о церкви» поднимался прежде и участники собрания были о нем осведомлены. Он сообщил, что «находящаяся церковь на территории совхоза, находится под охраной сторожей совхоза. Церковь производит служение 2–3 раза в месяц, посещаемость службы не превышает 30 человек, исключительно старух. В момент церковного служения на территорию совхоза проникают элементы, не имеющие никаких занятий в районе и производят хищения продуктов и овощей, а также могут принести бедствия для совхоза» [ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1405. Л. 17].

Как и большинство подобных сообщений, речь Пичугина была построена на манипуляциях, что стало характерным риторическим приемом на собраниях такого рода. В качестве примера можно указать на голословное утверждение, что церковь якобы находилась на территории совхоза, с чего и начал свою речь Пичугин. У неискушенного слушателя такое заявление создавало ощущение очевидного факта, в то время как именно на этом шатком фундаменте и основывалась вся дальнейшая логика выступления. Между тем всем присутствовавшим было известно, что это вновь образованный совхоз отобрал у храма его территорию, но никак не наоборот.

Еще одним примером манипулирования являлось утверждение, что в храм ходит не более 30 человек, с характерным добавлением «исключительно старухи». Отношение к верующим как к темным пережиткам прошлого, постепенно сформировавшееся в СССР к рубежу 1920–1930-х годов, затем на протяжении десятилетий транслировалось обществу телевидением, прессой и советскими писателями со страниц многочисленных произведений. Разумеется, такая характеристика прихожан Владимирского храма дана Пичугиным неспроста — в ней содержится недвусмысленный намек: если пойдешь в церковь, будешь, как невежественная старуха. Этот нехитрый прием будет использоваться советскими пропагандистами до начала 1980-х годов [Никонов, Ушатова, 2018, с. 78–79].

Не упустил Пичугин и наиболее часто используемую форму манипуляции — подмену понятий. Обозначив, кому принадлежит земля, на которой стоит церковь, оратор выразил озабоченность тем, что на территорию совхоза проникают посторонние люди, которые могут что-либо у совхоза украсть. Слушатель попадает в логический тупик, самый простой выход из которого — согласиться с оратором. Однако, если вдуматься, то возникает ряд вопросов, которые неизбежно

разрушают логику докладчика. Прежде всего: кто эти посторонние? По словам Пичугина — это все те же старухи. Только какие же они посторонние? Они-то как раз местные, здесь родились, здесь умрут, живут у всех на виду. Старухи, заметим, верующие, молящиеся только о том, чтобы храм не закрыли, воровать не станут, тем более что все охраняет сторож. Совхозные же рабочие — главным образом приезжие, которые вполне могут что-нибудь украсть. Пичугин нагнетает напряжение и пугает собравшихся тем, что хищение овощей — не самое страшное, что могут совершить злоумышленники: «Они могут принести и другие бедствия для совхоза» [ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1405. Л. 17], правда, не указывает, какие именно. В результате одно лживое допущение строится на другом, таком же лживом, и получается внешне логичная конструкция, разрушающаяся при более-менее внимательном взгляде.

Выступление Пичугина нами разобрано подробно, так как является типичным образцом демагогии, встречавшейся автору данной статьи в десятках дел 1930-х годов о закрытии храмов. Столь же типичным является вывод, который делает Пичугин из своего выступления: «Поэтому все рабочие и общественность вносим требование о закрытии церкви и упразднения с территории совхоза лиц, не связанных с работой совхоза» [ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1405. Л. 17].

Все присутствовавшие на собрании единодушно поддержали оратора и приняли, несомненно, заранее подготовленное постановление: «В виду неоднократных просьб со стороны рабочих, общественных, политических организаций о закрытии церкви, в виду нарушения внутреннего распорядка совхоза празднующейся публики, **ЦЕРКОВЬ ЗАКРЫТЬ** просить Ухтомский Райисполком об утверждении настоящего постановления» [ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1405. Л. 17].

В принятом постановлении обращают на себя внимание два момента. Во-первых, в нем говорится о *неоднократных* просьбах о закрытии церкви, что свидетельствует, во-первых, о том, что кампания началась задолго до июля 1933 года, а во-вторых, что «30 старух», посещавшие храм, по словам товарища Пичугина, 2–3 раза в месяц, в постановлении превратились в «празднующую публику».

Принятое постановление пленума красковского сельсовета с общественными и административными организациями было одним из главных, но не единственным документом, необходимым для закрытия храма. Единодушные делегатов пленума следовало подкрепить таким же единодушным порывом масс, что требовало составление письма с призывом закрыть церковь, подписанного максимально большим числом рядовых работников совхоза и жителей Краскова. Письмо было составлено в лучших традициях агитации и пропаганды 1930-х годов.

«В ПРЕЗИДИУМ УХТОМСКОГО РИКА

Мы, ранее верующие в бога граждане села Красково, рабочие и служащие совхоза “Красково” НКВМ, рабочие и служащие Корневского силикатного завода, колхозники колхоза “Вперед” и Красковская больница на 16-м году Революции осознав, что религия является дурманом, тормозящим успешный ход социалистического строительства в 1-м году 2-й Пятилетки и является пережитком отживающего капиталистического строя в период обострения классовой борьбы, когда остатки разбитого и недобитого кулачества опираются на церковь как на средство борьбы против Диктатуры Пролетариата, используя ее как орудие затемнения масс с целью отвлечения их от выполнения всемирно-исторических задач построения бесклассового общества.

Под испытанным руководством партии ЛЕНИНА мы пришли к величайшим победам выполнением ПЯТИЛЕТКИ В ЧЕТЫРЕ ГОДА; когда Ленинский вопрос КТО-КОГО разрешен окончательно и бесповоротно, как в городе, <так> и в деревне в пользу социализма, когда завершено построение фундамента социалистической экономики, когда социалистическая индустрия заняла ведущую роль и является рычагом социалистической реконструкции всего народного хозяйства.

Партией поставлена перед сельским хозяйством задача бороться за большевистский КОЛХОЗ и СОВХОЗ в деле их организационно-хозяйственного и политического укрепления под лозунгом борьбы за зажиточного колхозника. Мы не можем согласиться с существованием церкви на нашей территории и просим ЗАКРЫТЬ ЕЕ в кратчайший период времени и использовать ее после закрытия из орудия обмана и векового закабаления трудящихся в средство СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ МАСС, о чем и прилагаем свои подписи» [ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Ф. 1405. Л. 18].

Подписей под письмом было несколько сотен. Для завершения процедуры по закрытию храма все было готово, но окончательное уничтожение прихода решили приурочить к очередной годовщине революции. Для этого 20 сентября 1933 года была собрана инициативная «группа по закрытию Церкви села Красково» в составе 80 человек, которая заслушала «тов. Пичугина о ходе подписки за закрытие церкви» и постановила «просить Ухтомский РИК и Мособлисполком приурочить закрытие церкви к Октябрьским торжествам с таким расчетом, чтобы

обеспечить соответствующим переоборудованием церкви для открытия ее под клуб» [ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1405. Л. 15].

Для того чтобы ответственные работники Ухтомского районного исполнительного комитета (РИК) не усомнились в возможности в столь короткий срок не только закрыть Владимирскую церковь, но и переоборудовать ее под клуб, Пичугин приложил к письму смету по переустройству, заказанную им прежде у местной строительной организации. Сегодня эта смета является ценным свидетельством того, как именно предполагалось осквернить храм.

«Выборка из сметы на переоборудование церкви под клуб на 500 человек.

Состав работы:

Сделать леса для разборки колокольни.

Разобрать колокольню.

Заделать отверстие после разборки колокольни.

Расширить окна.

Перетирка стен и потолка.

Оборудование сцены.

Побелка фасада.

Уборочные работы» [ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1405. Л. 13].

Таким образом, уже в 1933 году основные направления перестройки храмового здания под клуб были определены, причем разборка колокольни и замазывание внутренней росписи планировались с самого начала. На эскизе, сохранившемся в архивном деле, видно, в каких частях бывшего храма планировалось разместить те или иные помещения клуба. Так, в алтаре главного придела предполагалось соорудить сцену, в боковых приделах должны были разместиться красный уголок, «раздевалка и зал ожиданий», а в притворе — курительная комната.

В октябре 1933 года Ухтомский РИК ожидаемо утвердил ходатайство о закрытии храма и направил дело в Мособлисполком. Тогда же из Народного комиссариата военно-морского флота, в ведении которого и состоял борющийся с храмом совхоз, была получена справка, в которой отмечалось, что «церковь, находящаяся на территории Подсобного хозяйства “Красково” НАРКОМВОЕНМОРА пос. Красково, после ее закрытия будет использована под клуб для рабочих данного Х-ва. Действующие церкви находятся от поселка Красково село Коренево расстояние 1,5 километр. и село Жилино расстояние 2,5 килом.» [ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1405. Л. 12].

Почти одновременно, 16 октября 1933 года, впервые увидело свет постановление о закрытии Владимирского храма, правда, пока в виде проекта [ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 1115. Л. 64]. Официальное постановление будет принято Мособлисполкомом 27 января 1934 года и с точностью до буквы повторит проект. В начале 1930-х годов закрытие храмов было поставлено на поток, и постановления, проекты которых имели силу утвержденных, печатались в буквальном слове «под копирку».

В постановлении сообщалось, «что: 1) т. н. Красковская церковь находится на территории подсобного хозяйства Наркомвоенмора и здание ее необходимо использовать под клуб, 2) Группа верующих указанной церкви может быть переведена в ближайшую действующую церковь с. Коренева (расстояние 1 ½ кил.) и с. Жилино (расстояние 2 ½ кил.), 3) Необходимые для переоборудования здания средства в наличии имеются — Президиум Мособлисполкома, руководствуясь постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8/IV-29 г., ПОСТАНОВЛЯЕТ: Разрешить Ухтомскому РИКу Красковскую церковь закрыть, а здание использовать в указанных целях; с предметами религиозного культа поступить согласно того же постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8/IV-29 г.» [ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 284. Л. 29].

О том, что участь их храма решена, верующие узнали через несколько дней — 5 февраля 1934 года, когда им под расписку было вручено постановление Мособлисполкома. Оригинал постановления с распиской сохранился. В тот же день собрался церковный совет Владимирского храма, формально уже закрытого, чтобы написать заявление во ВЦИК, так как, согласно постановлению, решение в двухнедельный срок могло быть обжаловано обращением именно в эту высшую инстанцию. Несмотря на очевидную спешность написания, заявление характеризуется исключительной логикой и последовательностью изложения. Эмоциональная сторона сведена к минимуму, о свойственной большевистским воззваниям демагогии нет и речи. Текст свидетельствует о высоком внутреннем достоинстве авторов, несмотря даже на встречающиеся, на первый взгляд, неуместные «старорежимные» обращения к пролетариям, такие как «почтительнейше» и «всепочтительнейше»:

«Весть о закрытии единственного нашего храма ошеломила нас и отозвалась большой обидой в наших верующих сердцах.

Очень спешим, поэтому почтительнейше доложить нижеследующее:

Во 1-х. Наш храм обслуживает обширнейший район, большие село Красково, пос. Томилино, деревня Хлыстова и половина Малаховки с верующим, желающим молиться населением не менее 10 тысяч, в большинстве крестьянами. Закрытие единственного нашего храма при неудобном отдалении храма в других местах, ставит нас буквально в безвыходное положение.

Во 2-х. Законно арендуемая на основании договора территория нашего храма является ничтожно малой частью огромной территории местсовхоза, в последнее время добровольно, ради его <неразб.> нами еще минимально уменьшенной.

В 3-х. Храм находится в значительном отдалении от главных строений совхоза и решительно ни в чем мешать ему не может.

В 4-х. Все распоряжения Власти, повинности, налоги нами исполнялись и уплачивались честно, быстро и аккуратно.

В 5-х. Несмотря на ряд незаконных действий совхоза, как то: попыток отобрать церк. сторожку, запрещения дозволенного высшею Властью звона, запрещения прихожанам входить в церковь через ворота и проч., мы, не будируя, все сносили молча, терпеливо и спокойно из уважения к почтеннейшей военно-Советской организации.

В 6-х. Производимая недавно совхозом подписка о закрытии нашего храма, ничего не говорит в его пользу, наоборот — имеет для него только отрицательное значение, потому что нам достоверно известно, что ею охватывалось население совсем чуждое и не имеющее никакого отношения к церкви, случайно заезжие, временно проживающие, сезонные иноверцы не только в пределах прихода, но и за границами его.

По нашему глубоко справедливому убеждению серьезных <неразб.> оснований к закрытию нашего храма решительно не имеется, и мы крепко надеемся, что ВЦК примет во внимание наше доказанное благонадежное поведение, терпение и спокойное миролюбие.

Посему осмеливаемся всепочтительнейше просить об оставлении в нашем пользовании никому не мешающего нашего храма.

Почтительнейше просим во имя неустанно требуемой и проводимой Властью строгой законности и ради памяти (наступающих) дней ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Приписка: расстояние от нас до ближайшего храма в пос. Малаховка <неразб.> кил. Треб (крещений и погребений) было: в 1932 г. — около 600, в 1933 г. — около 400. Всего — около 1 000.

Февраля 5 дня» [ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1405. Л. 60–61].

Приведенное заявление содержит ряд существенных фактов, не нашедших отражения в иных документах. Так, пункт 2 указывает на наличие действующего арендного договора между Владимирским приходом и совхозом, добровольно измененного верующими в пользу последнего. Пункт 5 свидетельствует о неправомерном поведении руководства совхоза по отношению к верующим, об ущемлении некоторых их прав, поскольку им воспрещалось самовольно проходить на церковную территорию через ворота и не разрешался колокольный звон. Следует отметить, что борьба с колокольным звоном и в самом деле уже велась на местах, но законодательно он будет запрещен позже. И главное, в пункте 6 опровергается подписка за закрытие церкви, которую так старательно проводил заместитель директора совхоза по политической части Пичугин. Выясняется, что сотни подписей под письмом принадлежат в основном не местным рабочим и крестьянам, а заезжим работникам, да еще и в значительной доле иноверцам. Кстати, такой демографический состав пришлого временного населения Краскова со всей очевидностью опровергает надуманные обвинения в воровстве овощей из совхозного хранилища, возводимые на прихожан храма. Очевидно, что если что-то и в самом деле пропадало, то виновниками были не «30 старух», а приезжие рабочие.

Во ВЦИКе заявление фактически игнорировали. Такой вывод можно сделать, судя по дате, проставленной на входящем штампе — 23 марта 1934 года. Но в Краскове об этом не знали и, боясь не уложиться в формально отведенные им на обжалование две недели, 15 февраля написали новое заявление «в дополнение к заявлению от 5 февраля». По его тексту становится ясно, что руководство совхоза пошло на явное искажение действительного положения дел, уверив вышестоящие инстанции в том, что за закрытие церкви высказываются сами прихожане. Утверждение совершенно абсурдное, но оно было принято к сведению. Кроме того, в заявлении упоминаются обычные аргументы властей в пользу ликвидации храмов, к примеру, что в церкви легко заразиться различными болезнями.

«В дополнение к заявлению нашему от 5-го сего февраля, в виду новых обстоятельств по настоящему делу, почтительнейше докладываем нижеследующее.

Нам стало достоверно известно, что возбужденное местным Совхозом (“подсобным хозяйством”) и долго тянувшееся дело о закрытии нашего храма недавно удовлетворено, благодаря главным образом, представленным им под конец сведениями о том, что якобы сами прихожане просят о закрытии храма.

Спешим со всею категоричностью опровергнуть это, совершенно не соответствующее действительности заявление. Ведь страшно подумать, что на этом совершенно неправильном основании уже случилась огромная ошибка — постановление РИКа и ОблИсполкома.

Поэтому почтительнейше утверждаем, что наши действительные прихожане — колхозники и не колхозники, как только узнали о закрытии храма, не перестают делать свои заявления церк. Совету против его закрытия с убедительной просьбой о соответствующем ходатайстве перед Высшею Властью. Мы совсем не организовывали подписки среди всей массы прихожан в защиту храма, так как узнали, что теперь это не требуется. Подписали же наше заявление только представители от прихожан, случайно узнавшие о закрытии храма и быстро на это откликнувшиеся.

Но для опровержения вышеуказанного неправильного утверждения совхоза, благоволиите принять прилагаемые при сем подписи подлинных наших прихожан — колхозников и не колхозников... Убедились мы окончательно также из беседы, специально устроенной нам представителем совхоза при объявлении о закрытии храма в том, о чем и раньше писали, а именно: что у совхоза действительно нет серьезных оснований к закрытию храма.

Представитель совхоза, кроме обще-голословной ссылки, что в церкви и от церкви можно заразиться, что возможно нами хищение совхозного имущества и проч., ничего не мог больше указать и доказать...

Поэтому еще раз почтительнейше и убедительно просим прекратить это дело и храм наш оставить нам, отменив постановление о его закрытии.

1934 г. февраля 15 дня» [ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1405. Л. 62–63].

К заявлению прилагался список верующих, поставивших свои подписи в защиту храма, — несколько десятков человек.

Последнее заявление красковских прихожан в защиту своего храма датировано 18 февраля. Дата, конечно, не случайна. Если вспомнить, что постановление о закрытии им было предъявлено 5 февраля, то отпущенные для обжалования две недели истекали 19-го. Верующие надеялись успеть, однако их надежды не сбылись. На этом прошении стоит резолюция советского функционера с плохо читаемой подписью: «Ходат. отклонить. Церковь ликвидир». Она датирована 28 апреля.

«В дополнение к заявлениям, — писали верующие, — нашим от 5-го и 15-го февраля почтительнейше докладываем нижеследующее.

Из прилагаемого при сем примерно-общего плана совхозной и церковной территории определенно видно, что последняя, минимально уменьшенная и расположенная на первом плане, сейчас же при входе с улицы и значит, совсем вдали от главных строений совхоза, ни в коем случае мешать ему не может. Но в виду постоянных подчеркиваний совхоза, что церковь находится на его земле и возбуждение всяких недоразумений в будущем, церковный Совет, в случае удовлетворения нашего ходатайства об оставлении церкви за нами, покорнейше просит разрешить огородить нашу территорию забором с переносом на нее находящейся вдали от церкви сторожки...

Церк. Совет и здесь готов на новую уступку — отдать часть земли впереди гаража и даже перенести церк. сарай, лишь бы совсем отгородиться, чтоб и совхоз не проезжал и не мешал нам, и нам не касаться его.

18/II 1934 г.

Приложение: Примерный план с совхозной и церковной территориями с. Красково» [ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1405. Л. 8].

Окончательная точка в судьбе храма была поставлена 10 мая 1934 года, когда Президиум ВЦИК утвердил постановление Мособлсполкома от 27 января о ликвидации Владимирской церкви в селе Краскове Ухтомского района [ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 284. Л. 26]. На справке стоит подпись секретаря ВЦИК А. С. Киселева.

С тех пор более чем на пятьдесят лет Красково и ближайшие деревни остались без своего храма. На некоторое время осиротевших прихожан приняла под свое окормление Преображенская церковь в селе Коренева, расположенном неподалеку. Цинизм властей выразился в этой истории в полной мере. В постановлении от 27 января 1934 года прихожанам ликвидируемого Владимирского храма предлагалось молиться в Коренева, но в это время полным ходом шла подготовка документов для закрытия и этой церкви. Таким образом, местным властям несомненно было известно, что кореневский храм совсем скоро постигнет участь красковского.

После 1917 года храмы в РСФСР и СССР закрывали повсеместно и постоянно. Этот процесс не был равномерным и имел свои экстремумы. Один из таких пиков пришелся на первую половину 1930-х годов. В короткий срок был выработан довольно бесхитростный метод, по которому

требовалось собрать небольшое количество документов, заручиться поддержкой в сельских районах местного населения, а в городах или ближайших крупных промышленных предприятиях — рабочих, и храм закрывали «по просьбам трудящихся». Очевидно, что без подтасовок или даже прямого подлога в таком непопулярном деле, каким являлось в 1930-х годах закрытие приходской церкви, не обходилось. Но советских функционеров это не останавливало, так как задача закрыть тот или иной храм должна была решаться в любом случае.

История закрытия Владимирского храма в Краскове в этом смысле является идеальной моделью реализации такой схемы для середины 1930-х годов. В ней типично все: от демагогических выступлений до подложных подписей под заявлением в Президиум местного исполкома; от территориальных земельных споров до надуманных опасностей, якобы исходивших от прихожан; от совершенно необоснованной необходимости переоборудовать церковное здание под клуб до срочного ремонта, заключавшегося главным образом в том, чтобы полностью исказить вид храма. Так же, как в Краскове, вскоре были закрыты храмы в расположенных по соседству Люберцах, Коренева и ряде других приходов Московской области, а уже через два-три года порядок закрытия церквей будет изменен. Начиная с 1937 года, в храмах начнут арестовывать все духовенство, а затем, объявив приход распавшимся, закрывать церкви по причине отсутствия в них регулярных богослужений.

Список источников

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). — Ф. 5263. — Оп. 1. — Д. 1405 ; Ф. 10035. — Оп. 1. — Д. П-38229, П-38843.
2. Никонов В. В., Семенов И., иер. Православное Красково. История храмов Преображения Господня в Коренева и Владимирской иконы Божией Матери в Краскове. — М. : Кунай-колодец, 2017. — 820 с.
3. Никонов В. В., Ушатова Н. П. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. — Гжель : ГГУ, 2018. — Т. 3. Загорновская волость. — 944 с.
4. Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII вв. Вып. 6. Вохонская десятина. — М. : Ун-я тип., 1868. — 169 с.
5. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). — Ф. П-152. — Оп. 1. — Ед. хр. 23, 24.
6. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). — Ф. 66. — Оп. 18. — Д. 294-г ; Ф. 2157. — Оп. 1. — Д. 1115 ; Ф. 4570. — Оп. 1. — Д. 284.

References

1. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation]. F. 5263, Op. 1, D. 1405 ; F. 10035, Op. 1, D. P-38229, P-38843. (In Russian).
2. Nikonov V. V., Semenov I., priest. *Pravoslavnoe Kraskovo. Istorija hramov Preobrazhenija Gospodnja v Koreneve i Vladimirskoj ikony Bozhiej Materi v Kraskove* [Kraskovo, an Orthodox Village. The History of the Cathedral of Transfiguration in the Village of Korenevo and the Cathedral of Virgin Mary of Vladimirmir in the Village of Kraskovo]. Moscow, Kunaj-Well Publ., 2017, 820 p. (In Russian).
3. Nikonov V. V., Ushatova N. P. *Za Hrista preterpevshie. Cerkov' i politicheskie repressii 1920–1950-h godov na territorii Ramenskogo rajona Moskovskoj oblasti* [Christian Martyrs. The Church and Political Repressions in 1920–1950 at the Territory of Ramensky District of the Moscow Region]. Gzhel, Gzhel State University Publ., 2018, vol. 3. Zagorновsk Province. 944 p. (In Russian).
4. Holmogorov V. I., Holmogorov G. I. *Istoricheskie materialy o cerkvah i selah XVI–XVIII vekah* [Historical Data on Churches and Villages in the 16th–18th Centuries]. Moscow, University Publ., 1868, iss. 6. Vokhonskya Tithe, 169 p. (In Russian).
5. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv goroda Moskvy* [Central State Archive of the City of Moscow]. F. P-152, Op.1, Ed. hr. 23, 24. (In Russian).
6. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Moskovskoj oblasti* [Central State Archive of the Moscow Region]. F. 66, Op. 18, D. 294-g ; F. 2157, Op. 1, D. 1115 ; F. 4570, Op. 1, D. 284. (In Russian).

Информация об авторе

Никонов Вадим Вадимович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории и организации архивного дела Российского государственного гуманитарного университета.
Сфера научных интересов: история Русской православной церкви XX века.

Information about the author

Nikonov Vadim Vadimovich — Candidate of Pedagogy, Associate Professor in the Department of History and Archives of Russian State Humanitarian University.
Research interests: history of Russian Orthodox Church in the 20th century.

Статья поступила в редакцию 08.11.2021; принята к публикации 20.06.2022.

The article was submitted 08.11.2021; accepted for publication 20.06.2022.